

18+

Я ВСЕГДА
БУДУ
С ТОБОЙ

МОНИКА МЕРФИ

LAV. Романтика

Моника Мерфи

Я всегда буду с тобой

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Мерфи М.

Я всегда буду с тобой / М. Мерфи — «Издательство АСТ»,
2023 — (LAV. Романтика)

ISBN 978-5-17-184777-7

Уэстон Фонтейн – самый горячий выпускник «Ланкастера». Он мог бы заполучить любую девушку в кампусе... кроме одной. Меня. Я – младшая дочь семьи Ланкастер. А значит, практически неприкасаема. Или, по крайней мере, я так думала. Школа принадлежит моей семье, и мне остается только мучаться тут, пока я не смогу вернуться к самому любимому занятию: балету. Уэст лишь усложняет жизнь в школе. Он высокомерный. Резкий. Невыносимый. И все же он – единственный парень, которому я когда-либо позволяла прикасаться ко мне... У нас с Уэстом есть общий секрет. В Париже я открылась ему так, как никогда прежде не открывалась никому. И он сделал то же самое. Но что делать, когда понимаешь, что безнадежно влюбляешься в того, кто совершенно тебе не подходит?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-184777-7

© Мерфи М., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Моника Мерфи

Я всегда буду с тобой

*О, ты прекраснее небес вечерних,
Одетых красотой несчетных звезд¹*

– Кристофер Марло, «Трагическая история доктора Фауста»

Серия «LAV. Романтика»

Monica Murphy
I'LL ALWAYS BE WITH YOU

Оформление обложки *Миланы Корягиной*

Перевод с английского *А. Иевлевой*

© 2023 by Monica Murphy

All rights reserved

© А. Иевлева, перевод на русский язык

В оформлении макета использованы материалы по лицензиям © shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ПЛЕЙЛИСТ

“BITTER” – Dacey

“In Poly Amber” – Night Tapes

“Wavey” – Grand Pox

“Brkn” – VOID

“Unrequited Love” – Breakup Shoes

“You and Your Lover” – Playdate

“WALLS” – Ryan Woods

“Carolina” – Harry Styles

Часть 1

Глава 1

УЭСТ

Лето

Я впервые увидел ее в Париже в разгар июля. Почти всю Европу накрыла аномальная жара, дышать нечем. На танцполе случайного клуба, где я оказался, беснуется толпа. Все потные, взмокшие – все, кроме одного человека.

Кроме Каролины Ланкастер.

Я знаю, кто это, как же иначе. В свое время, еще на родине, я учился в частной школе – так там практически на каждом здании красовалась ее фамилия, а ведь Каролина там даже не училась. Кроме того, ее семья вращается в тех же кругах, что и моя, и неважно, что самой Каролины ни на одном мероприятии не бывает. Она много лет живет за пределами Соединенных Штатов.

Ее будто и вовсе не существует. Она подобна мифическому созданию, призраку – все о ней говорят, но никто ее не видел.

Она – солистка Лондонской танцевальной компании. Вроде как. Если верить СМИ, стала примой в невероятно юном возрасте. Не знаю, что она делает в Париже, но здесь, кружась на танцполе, двигаясь в такт музыке, она выглядит чертовски сексуально. Черные шорты в обтяжку выставляют напоказ длинные, очень длинные ноги, а такого крошечного топа я в жизни не видел.

Он белый. Короткий. Просвечивает насквозь. Твердые соски натягивают тонкую ткань. Она танцует непринужденно, не задумываясь, самозабвенно. Тонкие руки взмывают, извиваются, на губах играет мечтательная улыбка, взгляд расфокусированный, какой бывает у людей в трансе. Она не очень высокая, но ноги у нее просто бесконечные. Она завораживает. На нее все смотрят.

А она этого даже не замечает.

Я пялюсь на нее так долго, что начинаю облизываться, будто меня мучит жажда. Так и есть – жажда по ней. Я глаз от нее отвести не могу. Наблюдаю за ней, а по коже разливается чистое электричество, и я безотчетно делаю шаг вперед. Потом еще один. И еще – пока сам не оказываюсь на танцполе в окружении извивающихся тел. Я не двигаюсь, но все равно страшно потею, а Каролина меня полностью игнорирует, хотя я стою совсем рядом, сбоку от нее.

Впрочем, она меня заметила, в этом я уверен. Взгляд ее мельком скользит в мою сторону, в глазах вспыхивает интерес, а потом она поворачивается ко мне спиной. Делает вид, будто меня здесь вовсе нет.

Никто еще не притворился, будто меня не существует. Большинство людей – особенно девушек – просто не в состоянии меня игнорировать. Наверное, говоря так, я выставляю себя полным козлом, но это просто факт. Все знают мою семью. Мою фамилию.

Даже меня самого.

Песня заканчивается, диджей по-французски объявляет следующую, и я решаю воспользоваться возможностью.

– Привет.

Она резко разворачивается, услышав мой голос, и я невольно моргаю, замороженный ослепительной красотой ее лица. Идеально симметричными чертами. У нее голубые глаза, изящный нос, розовые надутые губки. На лице ее мгновенно появляется скука. Взгляд скользит по мне с головы до пят, и она что-то говорит по-французски.

Я хмурюсь, склоняюсь ближе.

– Что-что?

Она смеется, и я невольно улыбаюсь, хотя уверен, что смеется она *надо мной*.

Голубые глаза округляются, и она повторяет:

– Fous le camp de moi.

«Пошел прочь».

Изображает крутую парижанку перед тупым американцем, который – так уж случилось – говорит по-французски. Что ж, я не против подыграть.

– Хочешь, чтобы я тебя добивался?

– Non. – Она качает головой, глаза распахнуты – прямо-таки воплощение невинности, вот только я ее насквозь вижу. У нее ни единый волосок не выбился из прически. Волосы зачесаны назад, гладко уложены, стянуты в тугой хвост (такого тугого я в жизни не видел), на лице – ни капли косметики.

Она просто великолепна.

Я пялюсь на нее, не свожу глаз. Она пялится в ответ. Так же пристально.

– Я знаю, что ты говоришь по-английски, – говорю я ей наконец.

Музыка снова начинает играть – медленная джазовая мелодия, и танцпол по большей части пустеет. Оставшиеся парочки льнут друг к другу, переминаются в подобии танца вокруг нас, а мы так и стоим неподвижно.

И вот наконец она делает шаг мне навстречу, меня овеивает свежий аромат ее тела, и у меня даже голова кружится. Чертова девчонка. Она меня будто в гребаный транс погружает.

– Ты кто такой? – спрашивает она с сильным французским акцентом.

– Неважно. – Мой черед придвинуться ближе. Я склоняю голову, так что губы почти касаются ее уха. Резко вбираю воздух, наслаждаясь ее восхитительным ароматом. Он полностью завладевает мной. – Я-то точно знаю, кто ты такая. – Поколебавшись, добавляю: – Каролина.

Она отшатывается, на лице написано отвращение.

– Папарацци, да? Ну давай.

– Что...

Каролина раскидывает руки, и топ задирается высоко, до самых крошечных грудок.

– Снимай. Продай фотки таблоидам. Пусть все сплетничают, как я танцую в парижском ночном клубе с титьками наружу.

Она с таким высокомерием произносит слово «тительки». Мне нравится. Голос у нее как у принцессы.

У избалованной принцесски, которая получает все, что захочет, когда захочет.

– Я не папарацци.

Она хмурится, опускает тонкие руки.

– Тогда кто ты?

– Я учился в твоей школе. – Вид у нее становится еще более озадаченный. – В частной школе «Ланкастер».

– Вот хрень.

Она закатывает глаза... А потом разворачивается и уходит прочь.

Я, не колеблясь, бросаюсь за ней, пробираюсь сквозь толпу, зову ее по имени, но она меня игнорирует. Она чертовски быстрая – лавирует между посетителями ночного клуба, и в какой-то момент я теряю ее светловолосую макушку из виду.

Впрочем, несколько секунд спустя она снова появляется на горизонте – прямо у дверей, проталкивается к выходу из клуба.

Я ускоряюсь, бегу вслед за ней, распахиваю дверь на улицу. Каролина стоит на тротуаре лицом к проезжей части. Рядом с ней – какой-то мужчина, худой и жутко высокий, с зажигалкой в руках. Тут-то я и понимаю, что в руках у Каролины сигарета. Она обхватывает ее припухшими губами, склоняется к парню, и тот щелкает зажигалкой. Кончик сигареты вспыхивает красным, и Каролина затягивается, а потом выдыхает – воздух пополам с дымом.

В курении нет ничего сексуального. Ничегошеньки. От него умирают. И воняет жутко.

Вот только я смотрю, как Каролина Ланкастер дымит сигаретой, и у меня твердеет член.

Она замечает меня, и на лице ее проступает незамутненное презрение. Она убирает сигарету, что-то бормочет своему костлявому другу.

Он смеется – скорее всего, надо мной.

– Ты пошел за мной. – Она не сводит с меня глаз, в голосе сквозит обвинение.

Я медленно подхожу ближе. Мне так хочется снова оказаться рядом с ней, хотя бы на мгновение снова уловить ее аромат – нежный и влажный, как океанский бриз. Соленый и... жестокий.

Опять же, как океан.

– Ты сбежала прежде, чем я успел объясниться, – говорю я. Засовываю руки в карманы, напуская на себя небрежный вид. Как будто она никак на меня не повлияла.

– В чем объясниться? Мне все равно, что ты скажешь.

Черт, до чего злобная стерва.

Мне даже нравится.

– Ты даже не спросила, как меня зовут. – Я умолкаю лишь на мгновение и уже готов сообщить, кто я такой, как вдруг она меня перебивает:

– Я же сказала. Мне. Все. Равно. – Она с силой затягивается, выдыхает дым прямо мне в лицо. Я морщусь, а она улыбается, довольная собой.

– А я хочу знать, – подает голос ее друг. Я перевожу взгляд на него, что, кстати, чертовски трудно, потому что единственное, чего мне хочется, – всю ночь напролет тарачиться на Каролину. – Как же тебя зовут?

– Уэст.

– Уэст. Это направление, а не имя², – бормочет Каролина, стряхивая пепел на тротуар.

– Это что за имя такое? – хмурится парень.

Я уже открываю рот, намереваясь объяснить, но Каролина снова меня перебивает.

– Наверняка семейное имя, уходящее на несколько поколений в прошлое. Может, сокращенный вариант. Скорее всего, старая фамилия, некогда принадлежавшая его маме или бабушке. – Она вопросительно изгибает бровь.

Я киваю.

– В точку.

Ее друг смеется. Сама она даже не улыбается.

– Что ж, приятно познакомиться, Уэст. Я Гидеон. – Он шагает ко мне, протягивает руку, и я с улыбкой пожимаю ее.

По крайней мере, он дружелюбно настроен, хотя интересуется меня, конечно, не он.

– Мне скучно, – принимается нить Каролина, повернувшись к Гидеону. – Пойдем куда-нибудь еще.

– Да ты грубиянка, – сообщаю я, не скрывая легкой улыбки.

Она оглядывается на меня через плечо, рассматривает, прищурившись. По-прежнему сжимает губами сигарету. Потом достает ее и говорит:

---

² West в переводе с английского значит «запад». – Прим. пер.

– Гляди-ка, критиковать меня вздумал.

Я пожимаю плечами.

– Кто-то должен.

Гидеон кивает.

– Он мне нравится.

– Спасибо.

– А мне нет. – Каролина полностью поворачивается ко мне. Ее красота шокирует. Взгляд скользит по мне, подмечая каждую деталь, и я отчаянно стараюсь не реагировать на ее внимание. Кожу покалывает, будто она прикоснулась ко мне, а не просто посмотрела. – Меньше всего мне хочется провести вечер с американцем.

– Ты сама американка, – замечаю я.

– Я там уже почти шесть лет не живу. – Она безмятежно улыбается, а потом снова затягивается. – Если я захочу трахнуть с приятным богатеньким американским мальчиком, то поеду домой и там меня будет ждать длинный список кандидатов.

Она так легко произносит слово «трахнуть», что это несколько выводит из равновесия. Она такая утонченная, изящная. От таких девушек подобных выражений не ожидаешь.

– Я не предлагал тебе потрахаться.

– Но тебе же хочется. – Она шмыгает носом. – Я чувствую.

Проклятье, она не ошибается.

– Давай найдем другой клуб. – Она поворачивается к своему другу, явно обращаясь к нему. – Хочу убраться отсюда.

– Ладно. – Гидеон смотрит на меня, наши взгляды встречаются, и на его губах появляется проказливая улыбка. – Уэст, давай с нами.

– Нет... – начинает Каролина.

– С удовольствием. – Теперь мой черед перебивать ее, и ей это не нравится.

Ни капельки.

Она яростно затягивается сигаретой, выдыхает дым, сексуально надув губы. Я неприкрыто наблюдаю за ней, впитываю все, что могу, а она игнорирует меня, болтает с Гидеоном на французском.

Ее мелодичный голос погружает меня в транс. Она жалуется, что придется терпеть мою компанию, а мой взгляд скользит к ее груди. Крошечные соски по-прежнему такие твердые, ткань топа явно их натирает. Размером похвастать она не может, но мне хватит. Так бы и обхватил одну грудь, так бы и вобрал в рот крошечный сосок...

– Безмозглый американец.

Я вскидываюсь от резко брошенной фразы, хотя на оскорбление даже внимания не обращаю.

– Пойдем отсюда, – говорит ей Гидеон, махнув рукой. Потом смотрит на меня. – Ты с нами?

Я медлю, прикидывая, как быть. Мои друзья все еще внутри. Когда я в последний раз их видел, Brent был у барной стойки – кадрил барменшу. Ти-Джей и остальные танцевали – или, скорее, потирались о девчонок на танцполе.

Им будет плевать, куда я делся. Они, наверное, даже не заметят, что я ушел.

К черту все. Потом им напишу.

Гидеон ловит такси (почему «Убер» не вызвать?), и вот я уже оказываюсь на заднем сидении машины. Мы сидим втроем бок о бок, Каролина посередине. Она так близко, что я чувствую буквально каждый дюйм ее тела.

От прикосновения кожи к коже между нами будто вспыхивает искра. Каролина внимательно рассматривает меня. Сигарета давно выброшена, во рту у нее мятный леденец. Она держит его между губ.

На кончике языка.

– Ты одет точно так же, как все американские подростки, которые приезжают на лето в Европу, – с упреком заявляет она. – Пытаешься вписаться, а сам только выделяешься.

Я кошусь на шорты цвета хаки и белую рубашку на пуговицах. Она не заправлена, рукава закатаны до локтя, и, если я правильно помню, все мои друзья одеваются похожим образом. Некоторые еще и кепку носят задом наперед.

– Рубашка «Брукс Бразерс». Шорты «Ральф Лорен», – продолжает она. Взгляд ее останавливается где-то в районе моего паха.

– На ногах лоферы. – Она снова смотрит мне в глаза, и в голосе ее слышится веселье. – Я вас даже не различаю.

– Говоришь как чванливая европейка.

Она пожимает гладким обнаженным плечом, невольно потираясь о мою руку. От простого движения по моим жилам пробегает искра.

– Я и есть европейка.

– Ты американка.

– О чем тебе так нравится мне напоминать. Но, как я уже говорила, я там больше не живу. Мне там не нравится. – Она склоняется ко мне, и я стараюсь незаметно вдохнуть ее головокругительный аромат. – И обычно мне не нравятся парни вроде тебя.

– Тогда почему я сижу с тобой в такси?

Каролина резко указывает большим пальцем на Гидеона.

– Это все его вина.

Я подаюсь вперед, смотрю ему прямо в глаза.

– Эй, старик. Я тебе должен.

– Я тебе об этом напомню, – смеется он, а когда Каролина оглядывается на него, умолкает. – Да что с тобой сегодня? – спрашивает он.

Она ничего не говорит, только отворачивается, смотрит прямо перед собой, а я беззастенчиво рассматриваю ее профиль. Губы у нее бантиком, как будто она постоянно дует. Она двигает челюстью, приоткрывает их, а потом косится на меня – и видит, что я за ней наблюдаю.

Такси несется по дороге, везет нас в очередной ночной клуб, а мы не сводим друг с друга глаз. Гидеон что-то печатает в телефоне, экран подсвечивает резкие черты его лица, окутывает серебристым светом. В остальном в машине темно, только огни мелькают за окном.

– А ты грубый, – едва слышно шепчет Каролина.

– А ты чертовски красива, – шепчу я в ответ и сам себе поражаюсь. Обычно я не говорю девушкам, что они красивы, особенно тем, кто явно об этом и сам знает. Незачем подпитывать их эго. Я предпочитаю, чтобы они подпитывали мое.

Дерьмово с моей стороны, но так и есть.

Глаза у Каролины слегка округляются, но в остальном она никак не реагирует. На лицо быстро наползает привычная маска. Она сощуривается, прикусывает губу, как будто прикидывает, как бы мной полакомиться.

– Любишь пофлиртовать, значит.

– Как и ты.

Она смеется.

– Если ты думаешь, что моя грубость к тебе – это флирт, то у тебя проблемы.

– Да. – Я склоняюсь ближе, нарушаю ее личное пространство. – Именно так.

Мой взгляд останавливается на ее губах, я наблюдаю, как она поигрывает леденцом, как дразняще перекачивает его на кончике розового языка. С губ моих так и рвется стон, мне с трудом удается его сдержать. Ерзаю на сидении, пытаюсь устроиться поудобнее. Мне хочется оказаться как можно дальше от Каролины – и при этом я умираю от желания сжать ее в объятиях.

– Хочешь леденец? – спрашивает она. Я пялюсь на нее, а она на меня – намного дольше, чем положено приличиями.

– Ага. – Мой голос звучит хрипло, как будто я только проснулся, и, готов поклясться, в ее глазах что-то вспыхивает.

– Уэст. – Она качает головой, губы складываются в едва заметную улыбку. – До чего глупое имя.

– Знала бы ты, как меня зовут на самом деле... – Не такое уж странное у меня имя, я просто рисуюсь.

– Не хочу знать, – шепчет она. Кладет руку мне на грудь, легонько отталкивает меня, пока я не успел ничего больше сказать.

Нахмурившись, я изучаю ее. Каролина сбивает меня с толку. Такая до припадка доведет, и находиться с ней рядом – гребаная пытка.

– Иди сюда. – Она тянется ко мне, длинная изящная рука скользит по моей груди все выше, ладонь ложится мне на затылок. Она притягивает меня ближе, губами почти касается моих. – Возьми леденец.

Ее рука ласково подталкивает меня – намекает, поощряет, и я склоняю голову. Наши губы оказываются совсем рядом, мы дышим одним воздухом, у нас одно дыхание на двоих, черт побери. Я вбираю мятлый воздух, прижимаюсь лбом ко лбу Каролины. Кожу покалывает. Я слышу, как у нее перехватывает дыхание, и слегка вздергиваю подбородок.

Поворачиваю голову, нахожу идеальное положение.

И наши губы встречаются.

Губы у Каролины мягкие, теплые. Она умудряется подтолкнуть ко мне леденец, и я легонько посасываю ее язык, втягиваю в рот конфету. Мой рот расслабляется, я выпускаю ее язык, и волосы у меня буквально встают дыбом. Каролина как кошка лижет мою верхнюю губу – прямо посередине. За мимолетным прикосновением влажного язычка приходят зубы, она слегка покусывает мою нижнюю губу, и я с шипением выпускаю воздух.

Медленно отстраняюсь. Леденец – у меня на языке; все тело покалывает, но вовсе не от привкуса зимней свежести, расползающегося во рту.

Нет, в этом целиком и полностью виновата Каролина. Богом клянусь, я весь дрожу, и она дрожит тоже. Смотрит на меня распахнутыми голубыми глазами, а ее грудь так и вздымается.

Я улыбаюсь ей, демонстрирую леденец, зажатый между зубов, и она смеется.

– Ладно, – объявляет она с высокомерием, достойным королевы. – Можешь со мной потанцевать.

– А что, это большая честь?

– Одна из величайших, – замечает Гидеон, склонившись к нам и присоединяясь к беседе. – Обычно в клубах она танцует одна.

– Так и есть, – согласно кивает Каролина.

Воздух в такси будто наэлектризован, и к тому моменту, когда мы наконец достигаем места назначения, я, не колеблясь, беру Каролину за руку, наши пальцы сплетаются. Она не вырывается, и вместе мы шагаем вслед за Гидеоном. Он не говорит ни слова, пока мы не оказываемся перед швейцаром. Гидеон указывает на Каролину, называет ее фамилию.

Очевидно, перед Ланкастерами распахивается множество дверей. Я свою фамилию даже не упоминаю. Она тоже открывает немало дверей, особенно во Франции.

Вот только Каролина об этом не знает.

Всего несколько минут – и мы уже внутри гигантского клуба. Гидеон отправляется к бару за напитками, а меня Каролина ведет на танцпол. Здесь еще многолюднее, чем в том клубе, откуда мы уехали, а я думал, такое невозможно. Воздух еще более раскаленный, еще более тяжелый. Музыка громче, басы грохочут, эхом отдаются во всем теле, пробирают до

костей. Каролина поворачивается ко мне и начинает танцевать, вращая бедрами в такт музыке, вскидывает руки над головой, а я стою как идиот и просто смотрю на нее, будто под гипнозом.

– Ты не танцуешь? – кричит она мне.

Я качаю головой, не в силах вымолвить ни слова. Я слишком захвачен тем, как она двигается. Ее наряд почти ничего не скрывает, и мое воображение тут же разворачивается на полную катушку – я уже представляю ее голой.

Распростертой на моей постели – подобно подношению.

Она коварно улыбается. Будто прекрасно понимает, что творит со мной. Будто знает, о чем я думаю.

– Какая жалость. А вдруг у тебя есть чувство ритма?

– У меня его нет.

Она кладет руки мне на грудь, скользит ладонями ниже. Медленно. Пальцы касаются моего живота, и мышцы напрягаются, сжимаются от ее прикосновения.

– Готова поспорить, там, где нужно, он у тебя есть.

От ее слов, от звучащего в них намека мой член встает по стойке смирно.

– Ты в прекрасной форме, – замечает она, и в глазах ее плещется веселье.

– Я спортсмен.

Она закатывает глаза.

– Ну конечно, спортсмен. Лакросс?

Я презрительно фыркаю.

– Легкая атлетика.

Она удивленно вскидывает брови.

– Что меташь? Через что прыгаешь?

– Бегаю. – Я уступаю пожирающему меня желанию, кладу руку на изгиб тонкой талии, притягиваю ее ближе. – Я быстрый.

Ее руки по-прежнему лежат у меня на животе, надавливают сильнее. Прикосновение обжигает.

– Это хорошее качество или плохое?

– Как посмотреть.

Кто-то врывается в Каролину сзади, отчего она чуть не падает на меня, но я успеваю крепко схватить ее, притягивая за бедра.

– Быстрые парни мне не нравятся. – Она приподнимается на цыпочки, потому что музыка становится громче, прижимается губами к моему уху, чтобы я мог ее расслышать. – Я люблю, когда все приятно и медленно.

Моя рука скользит по ее заднице, но Каролина отступает, качает головой. Я убираю руки.

– Не так быстро, американец.

Я таращусь на нее, смотрю, как она выуживает из крошечного кармана крошечных шортиков помятую сигарету.

– Зажигалка есть?

– Нет.

Она без единого слова снова бросает меня одного на танцполе.

Я раздраженно рычу и бросаюсь за ней, стараясь не упустить из вида светловолосую макушку. Наконец мы оба оказываемся у переполненного бара. Рядом с Каролиной – темно-волосый парень, полностью одетый в черное. У него тонкие усы и дьявольская улыбка на лице, и он предлагает ей огоньку. Она склоняется ближе, пламя касается кончика сигареты. Когда Каролина отстраняется, незнакомец что-то говорит ей, но она только смеется и мотает головой.

Меня охватывает всепоглощающая ревность. Я подлетаю к Каролине, хватаю ее за локоть и резко разворачиваю к себе.

– Что он тебе сказал?

Ее улыбка едва заметна, глаза сверкают, и она кричит в ответ:

– Он хочет увести меня отсюда и трахнуть.

В крови у меня разливается раскаленная добела ярость.

– А ты ему что ответила?

– Сказала, что пришла не одна. – Она похлопывает меня по груди, как домашнего питомца. – Успокойся. Трахаться с ним я не буду.

Ярость во мне все еще бушует, но уже не так сильно.

– Хорошая новость.

– Не люблю, когда люди ко мне прикасаются. Мужчины. – Она задумчиво рассматривает меня, сощутив голубые глаза. Верхняя губа кривится – почти презрительно. – Говорят, я холодная.

– Кто говорит?

– Парни, которые хотят ко мне прикоснуться.

– Ты позволила мне прикоснуться к тебе. – Она ничего не говорит, и я продолжаю. – В такси. Когда передала мне леденец.

Ее губы изгибаются в едва заметной улыбке.

– Это другое дело.

– Почему?

Она пожимает плечами.

– Не знаю. Есть в тебе что-то располагающее. Ты прямо как плюшевый медвежонок – так и хочется потискать.

Не в силах сдержаться, я смеюсь.

– Меня *в жизни* никто так не называл.

– Угрюмого, пугающего американского парня? Уверена, ты правил всей школой, да? Знаю я таких. Ты, наверное, прямо как мой брат. – Она качает головой, будто ее старший брат – сплошное разочарование.

Ее брат – гребаная легенда. Уит Ланкастер – невыносимый ублюдок, который держал «Ланкастер» в ежовых рукавицах, когда там учился. Он – наследник старейшей империи, империи Ланкастеров, богат сверх меры, и ему на все плевать, кроме своей жены и ребенка.

Я *стремлюсь* стать таким же безжалостным, как Уит, и, к счастью для меня, последний Ланкастер – Крю – выпустился из нашей школы, когда я заканчивал десятый класс. Представители их семейства автоматически оказываются у руля, а все остальные следуют за ними с безграничной преданностью. Теперь, когда у меня впереди последний год обучения, я готов занять освободившееся место.

– Я слышал, твой брат – полный козел.

Она смеется, и от этого звука я готов пасть на колени.

– Так и есть. Он просто ужасен. – Поколебавшись, она добавляет. – Что-то мне подсказывает, что ты такой же ужасный.

Я придвигаюсь ближе, склоняю голову, так что мои губы снова оказываются у самого ее уха.

– Тебе не хочется узнать наверняка?

Каролина даже не колеблется.

– Мне очень хочется узнать. – Едва раскуренная сигарета отправляется в пепельницу на барной стойке, а Каролина шагает мне навстречу. Ее рука так быстро ныряет мне под рубашку, что у меня перехватывает дыхание. Прохладные пальцы касаются моего живота. – Хочешь стать моим секретом?

Не успеваю я ответить, как она уже хватается за пояс шорт, тянет вперед. Я с готовностью подчиняюсь, и ее хватка ослабевает. Она разворачивается и направляется к самой удаленной части клуба. Я следую за ней, сердце заполошно бьется в груди, кожу все еще пока-

львает от ее прикосновения. Когда Каролина схватила меня за пояс, костяшки ее пальцев прошли по самому моему животу, и у меня встал до боли.

Ее слова делу тоже не помогли.

Хочешь стать моим секретом?

Да, черт возьми, еще как хочу.

Вот только я никогда ничьим секретом не был. Скорее другие становятся моим.

А с этой девчонкой так не выйдет. Она уже заставила меня побегать за ней, притом побегать добровольно.

Она не останавливается, пока мы не оказываемся в темном коридоре. Музыка здесь уже не гремит, лишь глухо пульсирует в отдалении. Вспотевшее тело обдаёт потоком ледяного воздуха из кондиционера, и на мгновение я испытываю облегчение. Каролина поворачивается ко мне, и мой взгляд автоматически скользит к ее груди.

– Умеешь целоваться, американский парень?

– Я много чего умею, – сообщаю я. Девчонок у меня было много, но ничего слишком серьезного. Сексом я тоже занимался. Одними только пальцами с легкостью заставлю девчонку кончить.

Думаю, с Каролиной Ланкастер можно будет проявить изобретательность на полную катушку.

– Тогда покажи мне, на что способен. – Она прижимается к стене, слегка разводит руки, упирается ладонями в стену. Расставляет ноги.

Я медленно подхожу ближе, вспоминаю ее слова о том, что она не любит торопиться. Что ей не нравится, когда к ней прикасаются.

Чем дальше я тяну, тем быстрее начинает вздыматься и опадать ее грудь. Искушение невероятно велико. Чертовски хочется прикоснуться к ней. Но что, если она снова оттолкнет меня?

Решив рискнуть, я легонько опускаю руку ей на бедро. Косточка под моей ладонью такая острая, просто поразительно. Каролина худая. Судя по ее внешнему виду, в ней одни мышцы.

Думаю, она тренируется даже больше меня.

С ее губ срывается возглас нетерпения, и я улыбаюсь. Смотрю ей в глаза, а она в ответ тарачится так мрачно, с таким убийственным выражением лица, будто хочет поднести нож мне к горлу и наблюдать, как я истекаю кровью.

Я склоняюсь ближе, замираю на расстоянии вдоха. Мой язык скользит между ее губ, и Каролина тянется мне навстречу, приоткрыв рот, будто жаждет большего, а я улыбаюсь и отступаю, склонив голову к плечу.

– Какой ты злой, – шепчет она.

– Ты тоже, – напоминаю я, призвав на помощь всю свою выдержку, чтобы стоять, не шелохнувшись. Сжимаю ее бедро – легко, нежно. – Если я потороплюсь, ты сбежишь?

Она кивает, вздергивает подбородок. Веки ее тяжелеют, она не сводит глаз с моих губ.

– Да.

– А если я буду все делать медленно? – Моя рука скользит вверх по ее боку, по изгибу талии, вдоль ребер. – Тогда сбежишь?

– Я всегда сбегаяю, – признается она. Голос у нее такой, будто она задыхается.

Я не свожу с нее глаз, пристально смотрю, как вздымается ее грудь. Кончиками пальцев поддеваю край топа, дразню ее, запускаю руку под тонкую ткань, провожу по коже. Каролина резко вбирает воздух, и я смотрю ей прямо в глаза.

– Слишком быстро?

Она качает головой.

– Что ты делаешь?

– Хочу увидеть тебя. – Пальцы мои скользят выше, вдоль нежного изгиба груди, большой палец поддразнивает твердый сосок. – Почувствовать тебя.

Она оглядывается, будто боится, что нас поймают.

– Нас тут могут заметить.

– Пусть. – Двумя пальцами я задираю ткань, пожираю голодным взглядом обнаженное тело. Соски у нее крошечные, розовые, мой рот наполняется слюной. – Черт, ты просто невероятная.

– Прекрати. – Она отталкивает мою руку, и я отступаю. Ткань опускается, скрывая ее грудь. Каролина заметно дрожит. – Какой ты бесстыжий.

Я, не сдержавшись, усмехаюсь.

– Думаю, тебе это нравится.

– Ты всегда такой прямолинейный?

– Нет, – честно отвечаю я. Даю ей время осмыслить сказанное, а потом говорю. – Давай свалим отсюда.

Она так сильно хмурится, что между бровями появляется морщинка.

– В каком смысле «свалим отсюда»?

– В том смысле, что я хочу уйти из клуба. – Я снова придвигаюсь к ней, кладу руки ей на талию. Пальцы кажутся пылающими на ее прохладной гладкой коже. – Отведи меня в какое-нибудь особое для тебя место, моя ненастоящая парижанка.

Каролина склоняет голову к плечу, окидывает меня оценивающим взглядом.

– Ты очень наглый, знаешь ли.

– Я могу сказать то же самое о тебе. – Большим пальцем я снова скольжу по коже под кроп-топом, будто бросаю вызов.

Я переступаю проведенную ею черту, и все же она не сбегает, так что это можно считать добрым знаком.

Глаза ее темнеют, приближаются по цвету к итальянским прибрежным водам – такой темно-синий цвет я видел разве что у берегов Сардинии и больше нигде. У Каролины Ланкастер глаза сейчас точно такого же оттенка, богом клянусь.

– А еще ты провокатор.

– Опять же, как и ты.

Музыка прерывается, сменяется медленной мелодией, и Каролина отталкивается от стены, ускользает от меня, уходит прочь, но все же оглядывается через плечо.

– Идем, – зовет она, и я, не колеблясь, следую за ней.

Я почти уверен, что пойду за ней куда угодно.

Глава 2

КАРОЛИНА

Ну что за парень. Высокий, стройный американец, весь такой румяный и благообразный. У него темные волосы, ниспадающие на лоб манящими завитками. Он привлекателен и осознает это, и обычно меня к таким не тянет, но он каким-то образом умудрился разделить со мной вечер, как бы я ни сопротивлялась, как бы ни грубила ему.

И ведь мое поведение его совершенно не отпугнуло. Такое ощущение, что я его даже позабавила. А еще я могла бы обвинить Гидеона в том, что он позволил Уэсту к нам присоединиться.

В глубине души я хотела, чтобы этот парень пошел с нами. Хотела узнать, будет ли его прикосновение таким же опаляющим, как взгляд, которым он меня пожирал. Всякий раз, когда он смотрит на меня, по коже моей пробегает искра, и...

Мне это не по душе.

Вечер начинался как обычно. Мы с Гидеоном пошли повеселиться как парижане. Оторвались от группы парней и девушек, с которыми приехали в город. Нам предстоит выступить с балетной группой Парижской национальной оперы со специальной программой. Для участия пригласили лишь нескольких избранных, и я оказалась в числе счастливиц, как и мой партнер Гидеон.

Мой милый, чудесный Гидеон, который презирает людей так, как никто больше не умеет, даже я. И вот по какой-то причине ему понравился Уэст.

Мне он не понравился. На самом деле, нет. Мы с ним некомфортно. Всякий раз, когда он на меня смотрит, я чувствую себя... странно. Как будто мое тело мне не принадлежит. Когда он прикасается ко мне, мои кости будто растворяются. А когда он дотронулся до моей груди, клянусь, мне показалось, будто он уже касается моей кожи губами – жаркими, влажными. Все мое тело дрожало от предвкушения.

Хочу, чтобы он сделал так еще раз.

Мы оставляем Гидеона в ночном клубе, хотя он, наверное, и не против. Я заметила его у барной стойки, подала сигнал, мол, увидимся позже, и он кивнул, дал понять, что все понял. При этом он так многозначительно улыбнулся. Скорее всего, мой друг подумал: *ну наконец-то*.

Наконец-то я позволю парню к себе прикоснуться. Поцеловать. Я уже позволила этому мальчишке проделать все вышеперечисленное, что для меня нехарактерно. Я не люблю, когда ко мне прикасаются. Когда обнимают. И я никогда не позволяла никому себя поцеловать.

Никогда.

Пока не появился этот Уэст.

До чего нелепое у него имя. По тому, как он выглядит, как одет, я могу сказать, что он богат. Он – воплощенный стиль «олд мани»³, особенно учитывая его дизайнерскую одежду. Скорее всего, наши семьи даже пересекались, и об этом мне хочется думать меньше всего, так что я поспешно выбрасываю эту мысль из головы.

Мое маленькое летнее приключение началось несколько недель назад, как только мы приехали в Париж – в основном чтобы без конца тренироваться перед грядущим представлением. Гидеон говорит, я пашу как папа Карло.

---

³ Стиль «олд мани» (англ. old money – старые деньги) предполагает утонченную и невызывающую роскошь. Акцент делается на качестве материалов и сдержанности. – *Прим. ред.*

Обожаю Гидеона и его привычку вворачивать разные причудливые поговорки. Очаровательная манера.

– Куда мы идем? – спрашивает Уэст. Мы вышли из клуба и теперь наконец можем нормально говорить, а не орать.

– Увидишь. – Я беру его за руку, поражаясь тому, какая огромная у него ладонь. Она полностью поглощает мою. Кожа у него теплая и гладкая, с легчайшим намеком на мозоли на кончиках пальцев и на ладони. Он высокий, намного выше меня. Когда я смотрю прямо на него, то упираюсь взглядом в широкую грудь. А когда слегка запрокидываю голову, могу изучить взглядом крепкую шею. Рассмотреть, как дергается у него кадык, когда он сглатывает. Вдоль челюсти заметна легкая тень щетины – ему надо побриться. Меня так и тянет коснуться его лица, проверить, действительно ли щетина колет, как я себе представляю. – Сюда.

Я веду его дальше по тротуару. На улице, несмотря на поздний час, полно машин. Сердце бьется так сильно, что кажется, будто в ушах звенит. Уэст подстраивается под мой шаг, не выпускает мою руку. Вечерний бриз овеивает кожу, доносит землистый запах Сены. Я останавливаюсь на углу, жду, когда светофор сменит цвет, и на мгновение закрываю глаза, наслаждаясь моментом.

Именно такой я представляла поездку в Париж, когда мы только собирались сюда. Я хотела сбежать хотя бы на один вечер, может, даже найти парня, с которым можно будет осуществить этот побег, и забыть обо всем напряжении, давлении, которое связано с тем, что я... это я.

И мое желание как будто сбылось – правда, с помощью Гидеона.

– А нам обязательно постоянно бежать?

Открыв глаза, я понимаю, что Уэст наблюдает за мной, и его темные брови уже сошлись на переносице. С учетом всех обстоятельств его вопрос звучит смешно.

– Я думала, ты бегун.

Он улыбается, на мгновение опускает голову. Жест почти застенчивый, но это, конечно, полная чушь. Из каждого его движения так и сочится самодовольство, но я не против. У нас в семье все мужчины так себя ведут, я привыкла.

– А еще я люблю гулять. Наслаждаться вечером, понимаешь?

От его признания у меня внутри все переворачивается. Он меня понимает, а это такая редкость, такое чудо!

– О, еще как понимаю. – Загорается зеленый, и я тяну его за руку. – Идем, давай.

Я поспешно перехожу улицу, Уэст – чуть позади. Мы так и держимся за руки. Люди вокруг с любопытством посматривают на нас, губы их складываются в легкую улыбку, будто они тоже посвящены в нашу тайну.

– Так ты мне скажешь, куда мы идем?

– Пока нет, – говорю я, стараясь подпустить в голос загадочности. – Давно ты в Париже?

– Всего несколько дней. А ты?

– Последние две недели. – Две недели тренировок в режиме нон-стоп. Бесконечной работы. На мне дешевые сандалии, купленные в магазинчике на Рю Камбон несколько дней назад, стопы в них болят, и ноги у меня устали, но никакая боль меня не остановит.

Только не сегодня.

Мы подбираемся ближе к месту назначения, и, как только я замечаю его, у меня теплеет на душе. Днем на парадной лестнице перед зданием полно людей, перед ней всегда поет уличный музыкант, поставив у ног гитарный футляр, куда прохожие бросают деньги. Музыкант здесь всегда один и тот же, мы видим его каждый день, приходя на тренировку. Он вечно поет американский рок, и все девчонки помладше хихикают, когда он снимает шляпу и улыбается им. Он пытался улыбнуться и мне, но я только мрачно зыркнула на него. Мне было неприятно, что он такой старый.

Нечего ему флиртовать с молоденькими девушками.

Затейливо украшенные уличные фонари из темно-серого чугуна выстроились вдоль входа, освещая арки; золотые статуи на крыше напоминают горящие свечи на высоком торте. Я останавливаюсь и, запрокинув голову, рассматриваю здание, сжимаю руку Уэста.

– Я буду здесь выступать, – говорю я ему, и голос моей звучит так тихо, что его почти не слышно за шумом проносящихся мимо машин.

Он пораженно поворачивается ко мне.

– Когда?

– В эти выходные. Особое представление, всего три вечера.

На лице его явственно проступает разочарование.

– Я завтра уезжаю в Испанию.

– Значит, поездка по всей Европе?

Он кивает.

– Отмечаешь... окончание школы? – Я пытаюсь разузнать о нем хоть что-то, но он почти ничего не рассказывает. Как, впрочем, и я.

Может, так даже лучше. Пусть каждый хранит свои тайны. Мы проведем вместе всего одну ночь и больше никогда не встретимся.

– Именно. – Он подносит к губам наши сплетенные пальцы, легонько целует мои костяшки, и в животе у меня разливается жар, а внутри все трепещет.

И не только в животе. Ниже – тоже.

– Давай попробуем пробраться внутрь, – предлагаю я. Мне отчаянно надо отвлечься от его пылкого взгляда, от того, что я чувствую под прицелом его глаз. Я становлюсь такой легкой и вся дрожу, сама на себя не похожа. – Идем со мной.

– Уверен, нам не удастся...

Я поворачиваюсь к нему, остановившись перед одним из арочных проходов, ведущих внутрь, крепко сжимаю его руки.

– Никогда во мне не сомневайся.

Он смотрит на меня – серьезно, сосредоточенно, а потом кивает.

– Идем.

Он даже не колебался, когда я попросила его довериться мне, и я это ценю. Упрямство и решительность у меня в крови, это наследственное. Мы получаем желаемое, и никто не может нас остановить. Мой старший брат творит что хочет. И отец такой же. Мою бедную сестру полностью контролирует наша мать, и мне ее жаль. Правда жаль.

А я? Я сама себя контролирую. И танцую.

Мой выбор. Я твержу себе эти слова, дергая все ручки подряд, но, к моей досаде, все заперто. У центральной двери, впрочем, я замечаю пожилого джентльмена в форме охранника. Узнав его, я тут же направляюсь к нему, Уэст буквально наступает мне на пятки.

– Жан-Жак! – восклицаю я и вскидываю руки, будто собираюсь обнять его в знак приветствия.

Он кивает в ответ.

– Bon soir, mademoiselle⁴.

Я заговариваю с ним на беглом французском, объясняю, что оставила внутри ужасно важные личные вещи – прямо в гримерке за сценой. Это вполне убедительный предлог. На моем столике в гримерной и правда кое-что лежит – мелочи, которые спокойно подождут до завтра, когда я приду и воспользуюсь ими. Косметичка. Пластырь под пуанты. Несколько бутылок воды, пронесенных контрабандой. Такое не поощряется, хотя нам нельзя допускать обезвоживания.

---

⁴ Добрый вечер, мисс (фр.) – Прим. пер.

Опера Гарнье – настолько важный памятник культуры, что даже вода для танцоров считается опасной – вдруг навредит интерьерам.

Жан-Жак все качает головой, тихо бормочет свое «поп», но я не сдаюсь. Я все говорю и говорю, активно жестикулирую и горестно вздыхаю. Даже вворачиваю главную ложь – называю Уэста своим молодым человеком, объясняю, что я просто в отчаянии, что мне очень надо забрать очень, как бы так сказать, личные вещи, чтобы мы могли провести вместе последнюю ночь...

В интимном плане.

– Нельзя, – ворчит Жан-Жак на английском, потом, сощурившись, рассматривает Уэста. – Пусть джентльмен пойдет в аптеку и обо всем позаботится.

– О, так не пойдет, ни за что, Жан-Жак. – Я заламываю руки, распахиваю глаза, как могу. Если бы я могла выжать слезу, непременно так и сделала бы, лишь бы попасть внутрь, но я редко плачу. – Пожалуйста. Пожалуйста, впустите нас. Обещаю, через десять минут вернемся.

Горстка подростков – примерно наши с Уэстом ровесники – начинают шуметь на лестнице, во все горло зачитывая популярный рэп. Жан-Жак с раздражением косится на них, потом поворачивается к двери и быстро отпирает ее.

– Поторопитесь, – говорит он, приоткрывая нам дверь. – Будьте осторожны. Свет внутри не включать. Используйте телефоны вместо фонариков. И заберите то, что вам нужно, как можно быстрее, ясно?

Я готова обнять его, но в последний момент спохватываюсь, что мне не нравится прикасаться к незнакомым людям, так что вместо этого я широко улыбаюсь ему.

– Спасибо вам. Спасибо огромное, Жан-Жак. Я ваша должница.

Мы проскальзываем в Оперу Гарнье, и массивная дверь захлопывается у нас за спиной. Звук гулким эхом прокатывается по массивному помещению. Нас окутывает темнота, и во мне поднимается незнакомое ощущение, бурлит в горле, будто я газировки напилась.

Я осознаю, что это восторг. Мое тело буквально вибрирует от радостного возбуждения, и все из-за того, как сложился этот вечер. Из-за парня, которого я толком даже не знаю.

И не хочу толком знать.

Мгновение мы стоим неподвижно, давая глазам привыкнуть к темноте. Я чувствую, как Уэст смотрит на меня. Он молчит, и в итоге я поворачиваюсь к нему.

– Что?

– Поверить не могу, что ты нас сюда привела. Это же одно из самых почитаемых зданий в Париже. – В голосе его слышится восхищение, и я двигаюсь вперед, гордая тем, что мне удалось убедить Жан-Жака впустить нас.

– Да ничего особенного. В конце концов, мне здесь выступать, – небрежно замечаю я, а сама вся горю, когда он придвигается ближе, мимолетно задевает рукой мое бедро.

Я обхожу его, стараясь не замечать, как по спине бежит холодок по мере приближения к массивной мраморной лестнице.

– Ну что, идем наверх?

– Ты правда противозачаточные таблетки там оставила?

У меня аж рот открывается от удивления. Я медленно поворачиваюсь к Уэсту.

– Ты понял, что я сказала Жан-Жаку?

Я все время говорила по-французски и говорила быстро, чтобы у добряка-охранника не было шанса толком обдумать то, о чем я его прошу.

Уэст кивает.

– Я свободно говорю по-французски.

– Как ты... – не договорив, я качаю головой. Незачем мне знать подробности. Скорее всего, выучил французский в частной школе. – Неважно. Я тебе верю. Ты не обязан объяснять, откуда знаешь язык.

Он посмеивается, и его тихий смех будто обволакивает меня.

– Как скажешь.

– И нет, на самом деле я не оставила там противозачаточные. – Они по-прежнему в моем номере в отеле. Просто я подумала, что Жан-Жаку этот вариант покажется самым возмутительным и он не захочет слишком долго об этом говорить. Глядя на меня, он наверняка видит девочку, а не сексуально активную женщину.

Коей я, кстати, и не являюсь. Мой первый поцелуй случился с парнем, с которым я сейчас стою посреди Оперы Гарнье поздним вечером в среду. Вся ситуация совершенно нереальна.

– Давай поднимемся на балкон. – Отвернувшись от Уэста, я взлетаю по лестнице и смеюсь, услышав, как он гонится за мной. Мы добираемся до самого верха, а он даже не запыхался, что впечатляет. Лестница огромная.

– Где балкон? – спрашивает он.

– Сюда. – Я беру его за руку и веду к закрытым дверям, дергаю за ручку, но дверь не поддается. – Не могу открыть.

Уэст прижимается ко мне сзади – грудью к моей спине – и поворачивает замок прямо над ручкой, посмеиваясь себе под нос. Дверь с легкостью открывается, и мы оба выходим на один из балконов, откуда открывается вид на городскую площадь.

– О, ночью тут просто красота. – Я останавливаюсь у перил; вцепившись в них пальцами, рассматриваю немногочисленных людей, сидящих на ступенях лестницы, ведущей в здание оперы. Ветер здесь чувствуется сильнее, бьет прямо в лицо. Несколько прядей выбиваются из гладко уложенной прически, и я приглаживаю их. Уэст останавливается прямо позади меня (снова), и я со свистом вбираю воздух.

Он протягивает руки, упирается ладонями в перила, его тело будто заключает мое в клетку. У меня перехватывает дыхание, сердце заполошно бьется в груди, по венам струится паника, и я закрываю глаза, мысленно приказывая себе не психовать и не отталкивать его.

Никто и никогда не был ко мне так близко, не поглощал меня так полно, и в иных обстоятельствах я бы ощутила себя в ловушке. Поджав губы, я на мгновение закрываю глаза, стараюсь глубоко дышать, сосредоточиться на биении собственного сердца. На том, как Уэст стоит позади и будто бы вокруг меня, но при этом не касается полностью. Открыв глаза, я чувствую, как меня окутывает спокойствие, и слегка поворачиваю голову, жалея, что не вижу его лица.

– Что ты делаешь? – тихо спрашиваю я.

– Наслаждаюсь видом. – Голос у него низкий и звучит совсем рядом с моим ухом, отчего по позвоночнику прокатывается дрожь.

– Сам дворец намного красивее, чем все это, – замечаю я, указывая на здания вокруг.

– Я не о виде на город говорил. – Он придвигается ближе, прижимается крепким торсом к моей спине, и его губы оказываются у самого моего уха. Буквально. Он так близко, что, клянусь, я чувствую, как двигаются его губы. – Я говорил о тебе.

Внутри меня все расслабляется, кроме, разве что, моего сердца. Готова поклясться, оно бьется так сильно, что вот-вот вырвется из груди, прыгнет с балкона второго этажа и умчится прочь, а я не успею его поймать.

– Уверена, ты это всем девушкам говоришь.

– Не припомню ни одной, кому бы я такое говорил. – Он прижимается еще ближе, и я по привычке каменею. Холодная маленькая балерина, которая ничего не чувствует.

Меня так неоднократно называли – много, много раз. Один мой педагог сказал, что я не умею проявлять эмоции во время танца, а когда я спросила, что он имеет в виду, у всех на глазах сообщил, что мне не хватает страсти. Весь класс захихикал, но я смерила их таким холодным, тяжелым взглядом, что они быстро заткнулись.

Может, он и был прав. Я так сильно старалась продемонстрировать, что во мне на самом деле есть страсть. Страсть к танцу. К жизни. И хотя мне всегда удается безупречно исполнить

танцевальные движения и придать лицу нужное выражение, хотя музыка омывает меня и поднимает в воздух, раскрывая все чувства, что живут в моей душе, иногда этого оказывается недостаточно.

Мне незнакома страсть к другому человеку. Иногда я гадаю, способна ли я вообще на такое. Способна ли я на чувства.

Способна ли кого-то полюбить.

– Это ведь только на одну ночь, так? – тихо спрашиваю я, так тихо, что сначала боюсь, что он меня не услышал. Что мои слова унес ветер.

Уэст медлит. Я почти физически ощущаю, как он обдумывает мой вопрос, и, затаив дыхание, жду его ответа.

– Скорее всего, после сегодняшней ночи я никогда тебя не увижу, – говорит он.

Я склоняю голову, и хвост скользит по моей шее, свешивается на бок, касается щеки. Я резко вдыхаю, ощутив прикосновение губ к затылку. Теплых, влажных губ, которые оставляют клеймо на моей коже.

На моей душе.

– Ты чертовски приятно пахнешь, – шепчет он. Его губы касаются моей кожи. Я вся дрожу, крепко, до боли цепляюсь пальцами за перила.

Время замирает. Я жду, когда же он хоть что-нибудь предпримет. Хоть что-нибудь скажет. Глубоко внутри поднимают голову неведомые мне самой инстинкты, и я замолкаю. Жду.

Жду.

Когда Уэст касается моей шеи кончиком языка, с губ моих срывается тихий вздох. Он лижет снова, и я принимаюсь хныкать, склоняю голову ниже, жаждая продолжения. Мне нужно больше.

Во мне бурлит смятение, смешивается с другими эмоциями и ощущениями, прежде неизвестными. Уэст накрывает рукой мои руки, будто удерживая меня на месте, и я сдавленно спрашиваю: – Что ты со мной творишь?

– Пробую на вкус. – Он прихватывает зубами кожу у меня на шее, и я вся таю. Смягчаюсь. Прислоняюсь к нему всем телом, впитываю его тепло. Его силу. Я и сама сильная, все мое тело – сплошные мышцы, кости и кожа. Во мне ни капли жира, и на мгновение я беспокоюсь, что мое тело покажется ему непривлекательным.

Я слишком спортивная, слишком костлявая, слишком угловатая. Слишком злая, слишком холодная и слишком тихая.

Он долго молчит, и лишь мое сердце грохочет в тишине да слышится глубокое дыхание Уэста. Он дышит все тяжелее, а я, дрожа, жду, что будет дальше. Слова будто застряли поперек горла, не идут с губ. Я вся – комок нервов, я сбита с толку, меня захлестывают эмоции, и, когда Уэст наконец заговаривает, я с облегчением слышу в его словах команду.

– Запрокинь голову назад.

Я делаю, как велено, и, когда моя голова касается его плеча, меня затапливает облегчение. Это мне по силам. Я могу следовать указаниям. Могу меняться, лепить себя и превращать в то, чего ждут от меня другие.

Руки Уэста ложатся мне на талию, пальцы скользят по плоскому животу, и я не могу дышать. Когда его ладони медленно – так медленно! – скользят вверх, вдоль ребер, у меня по коже бегут мурашки. Когда его большая ладонь ныряет под мой топ, полностью накрывает голую грудь, с моих губ срывается стон, и это до того странный, непривычный для меня звук, что я тут же краснею от смущения.

Он одобритительно хмыкает. Губы его по-прежнему совсем рядом с моим ухом, и он принимается мять мою кожу, проводит большими пальцами по распухшим соскам – снова и снова. Так легко, что кажется, будто он вовсе меня не касается. Я вся выгибаюсь, жаждая большего, топ задирается, обнажая меня еще сильнее, и лишь его руки скрывают мою грудь.

Он приподнимает ладони, так, что кожи касаются только пальцы, а потом хватает меня за соски и щиплет их. С силой.

А потом еще сильнее.

Я со свистом выдыхаю, ощутив острую боль, и он замирает.

– Мне перестать?

Я яростно мотаю головой, и слова срываются с губ так, будто я не властна над собой.

– Я люблю боль.

От моего признания он подается бедрами ко мне, и я чувствую его член – толстый и твердый, прямо между моими ягодицами. Меня будто электричеством окатывает, и я подаюсь назад, потираюсь задницей о его эрекцию.

Он особенно жестко сжимает мои соски, и я кричу. Черт, как же больно.

Вот только между ног у меня все пульсирует. Я мокрая. Если он коснется меня там, то поймет, что я готова для него. Что я хочу его. Все так быстро случилось, что даже неловко, и меня подмывает отстраниться.

Вот только я знаю, что мне будет не хватать этого ощущения. Будет не хватать *его*. Я хочу, чтобы Уэст и дальше прикасался ко мне.

Хочу узнать, насколько далеко он пойдет.

Он ласкает мою шею, прижимается щекой к щеке. Жаркое дыхание овеивает мою кожу, и, когда я поворачиваюсь к нему, наше дыхание смешивается. Его губы слегка касаются моих, он высовывает кончик языка, намереваясь лизнуть меня, и я поворачиваюсь к нему всем телом. Руки его соскальзывают с моей груди, ложатся мне на бедра, а мы все целуемся и целуемся. Жадно. Поглощая друг друга. Я запускаю руки ему в волосы, а его руки оглаживают мою задницу. Он резко дергает меня на себя, и наши тела практически сливаются воедино.

Вдруг он безо всякого предупреждения поднимает меня, усаживает на перила, и я, взвизгнув, разрываю поцелуй, смотрю на площадь под нами. Я так крепко держу его за шею, что ему, наверное, больно, и он полностью замирает, осознав, что сделал.

– Не урони меня.

– Не уроню. – Он с трудом сглатывает. – Черт, Каролина, прости меня. Я не хотел тебя напугать.

Он пытается опустить меня, но я обвиваю ногами перила, не поддаюсь. Он вопросительно хмурится, а я в ответ только качаю головой и снова лгну к нему в поцелуе.

– Держи меня крепко, – бормочу я прямо ему в губы и, склонив голову, целую глубже.

Он прижимает меня к себе, руки его обхватывают мою талию, а я обвиваю ногами его бедра. Настойчивый язык снова и снова толкается мне в рот, а я потираюсь о член Уэста, чувствую, как его эрекция впечатывается сквозь шорты точно между ног, и у меня искры из глаз сыплются. До чего же хорошо!

Оргазм – подсказывает мне затуманенный разум, пока я потираюсь всем телом о Уэста. Вот о чем все они говорят – все те девчонки в танцевальной школе, которые уже обнаружили, на что еще способны их тела, кроме танцев. Которые узнали, что тело умеет испытывать удовольствие, иногда даже от боли.

– Если ты и дальше продолжишь в том же духе, я кончу прямо в шорты, – бормочет он мне в губы.

Я смеюсь, запрокинув голову, и звук разлетается по ветру, плывет над городом. Уэст покрывает поцелуями мою шею, одной рукой крепко удерживает меня за поясницу, бедра его без усталости двигаются. Я постанываю с каждым толчком, и он точно знает, что делает со мной. Я это чувствую по тому, как он на меня смотрит, как держится.

Он хочет увидеть, как я кончаю.

– И что же в этом плохого? – спрашиваю я как наивная дурочка. Хотя я и есть наивная дурочка. Я знаю, как мужчина испытывает оргазм, но никогда не видела этого своими глазами. Даже в порно или на фото в сети. Я просто никогда такое специально не выискивала.

Меня такое и не интересовало раньше. Секс не имел никакого значения. Я никогда никого не хотела.

– Будет грязновато, – смеется он, а потом застывает всем телом. – И я не хочу рисковать уронить тебя.

Обернувшись через плечо, я смотрю вниз. Земля далеко. Я в лепешку расшибусь на этой лестнице, зрелище будет неприятное. Уже вижу, какие будут заголовки газет.

«Преемница знаменитой балерины насмерть разбилась в Париже!»

«Молодая Каролина Ланкастер умерла после чересчур бурного оргазма на втором этаже дворца Гарнье!»

До чего унижительная будет смерть, честное слово.

– Опасно, – киваю я. Выражение лица у меня, как и голос, вполне серьезное. – Но... мне нравится.

Он хмурится.

– Правда?

Я снова киваю, тянусь к нему, прикасаюсь к обнаженному участку груди, отчаянно жалея, что не могу расстегнуть на нем рубашку и прижаться носом к тому месту, где бьется сердце. Я хочу почувствовать его запах. Лизнуть его. Съесть целиком.

– Я была... близко.

Он молчит, и его молчание пугает, а когда я наконец осмеливаюсь взглянуть на него, в глазах его пылает пламя.

– Хочешь кончить?

Ощувив прилив смелости, совершенно для меня не характерный, я киваю.

– Пожалуйста.

Уэст улыбается и склоняется ближе, губы его застывают в миллиметре от моих.

– Ну, раз ты так вежливо попросила...

Он приникает ко мне в поцелуе. Губы у него теплые и уверенные, неторопливые и жадные.

Такие жадные!

И я точно так же жажду его, цепляюсь за него, трусь о него бедрами, наше дыхание смешивается. Поцелуй становится лихорадочным. Уэст скользит рукой между нашими телами, поигрывает с тканью моих шортов, а потом запускает руку внутрь, проводит прямо по моему телу, потирает влажные трусики.

Со стоном он надавливает пальцами, и я приподнимаю бедра, желая большего. Он потирает чувствительную плоть, пальцы его двигаются жестко, уверенно, надавливают так, что у меня по коже бегут мурашки.

Мы так и не разомкнули губ, но на поцелуй это уже не похоже. Мы, скорее, просто дышим друг другу в рот. Он отводит мои трусики в сторону, касается обнаженного горячего тела. Я такая мокрая, что слышу, с каким звуком скользят его пальцы. Вверх и вниз, по кругу, нажимая, потирая.

– О боже! – вскрикиваю я, и голос мой звучит неожиданно громко.

Он накрывает мой рот своим, целует глубоко и одновременно вводит в мое тело палец, а большим давит мне на клитор. И этого оказывается достаточно. Я тут же кончаю, дрожу всем телом, сердце мое заполошно бьется, все внутри пульсирует от невероятного оргазма, поглотившего меня целиком и полностью. Когда дрожь проходит, я остаюсь изможденной, пресыщенной эмоциями.

Я вжимаюсь лицом ему в шею, выдыхаю, все еще слегка дрожа. Крепко сжимаю его плечи, скольжу руками выше, к шее. Он вынимает руку из моего белья, ласково целует меня в голову, и на мгновение – на долгое, тихое мгновение – я прислоняюсь к нему. Тишину нарушает лишь звук машин внизу. Голоса случайных прохожих. Где-то далеко гудит сирена – как вечная песня Парижа, где сирены воют постоянно. Подняв наконец голову, я осознаю, что Уэст пристально наблюдает за мной.

– Ты в порядке?

Я киваю.

– Говорить можешь?

Мотаю головой в ответ.

– Думаю, я знаю, чем это можно исцелить.

Я только вопросительно вздергиваю бровь.

– Пойдем поедим блинчиков.

Глава 3

УЭСТ

Мы сидим за маленьким железным столиком перед таким же маленьким кафе неподалеку от здания оперы и едим по блинчику с «Нутеллой» и клубникой. Каролина пыталась убедить меня, что не хочет блинов, и даже предложила съесть один пополам, но я сразу сказал, что со мной такое не пройдет. Мне нужен был отдельный блин, и я знал, что после того, как она кончила, она свой тоже умнет мигом.

– Я веду себя как туристка, покупаю блины на улице, – бормочет Каролина, откусывая крошечный кусочек. – Такого я еще не делала.

– Но ведь чертовски вкусно, скажи? – Я не меньший сноб, чем она, но просто умираю от голода. А ведь я, в отличие от нее, даже не кончил.

Я прикасаюсь к себе между ног, поправляю шорты. Эрекция моя, слава богу, наконец-то спала, хотя я по-прежнему чудовищно неудовлетворен. Яйца отчаянно болят, требуя оргазма, но от самой богатой девушки во всей Франции он мне сегодня явно не светит.

Ну и ничего. Я страшно боялся ее уронить, но уверен, что отчасти Каролина кончила так сильно как раз потому, что висела на краю балкона. Эта девчонка любит опасность.

А еще ее, похоже, заводит боль.

Интересно.

– Вкуснотища, – признается она наконец, откусывает побольше, так, что на губе остается капля «Нутеллы». Она ее не слизывает, так что я поступаю так, как подобает благородному человеку.

– У тебя вот тут капля. – Я указываю на рот. – На губе.

– Да? – Она прикасается к уголку рта, но я только головой качаю, придвигаюсь ближе. – А где?

– Здесь. – Провожу большим пальцем по ее нижней губе и демонстрирую оставшуюся у меня на руке каплю ореховой пасты. Каролина тут же слизывает ее прямо у меня с руки.

Проклятье. Эта девчонка смертью моей станет, честное слово.

Мы с ней непрестанно болтали с момента, как сели за столик. Она рассказала о грядущем выступлении. Я рассказал ей о своей поездке, о том, куда мы планируем отправиться дальше. Я приехал с друзьями, но не стал говорить, что с нами приехали и наши родители. А еще я солгал ей.

Я не закончил школу. Еще нет. В августе пойду в последний класс, как и она.

Жаль, что она не учится в «Ланкастере». Мы бы здорово повеселились вместе. А может, она бы сразу меня отвергла, и мы бы целый год боролись за власть, пытались доказать друг другу и всем остальным, кто истинный лидер нашего выпуска.

Она бы могла выиграть из-за одной только своей фамилии, а это, как по мне, ненастоящая победа. Я, по крайней мере, *заработал* свое положение.

– Ты соленый, – заявляет она, облизав мой палец.

– Это потому что ты соленая, – замечаю я. В конце концов, этот же палец всего несколько минут назад прижимался к ее набухшему клитору.

Каролина вспыхивает, все лицо у нее идет розовыми пятнами. Она опускает взгляд, будто смутившись.

– Я забыла, что ты...

– Заставил тебя кончить этой рукой? – Я откусываю приличный кусок от своего блинчика и наслаждаюсь тем, как ей неудобно. Чувствую я себя при этом самым настоящим скотом – и садистом.

– Да, – шепчет она. Мы сталкиваемся коленями под крошечным столиком, и Каролина тут же оглядывается. – Не обязательно так громко об этом говорить.

– Нас никто не слышит, – уверяю я. – Ты можешь поведать мне все свои тайны.

Ее лицо вдруг принимает странное, замкнутое выражение.

– Нет у меня никаких тайн.

– Я заметил, что у тех, кто утверждает, будто никаких тайн у них нет, тайны самые серьезные. – Честное слово, после этих слов вид у нее становится виноватый. – Давай так: сначала я открою тебе секрет, а потом ты мне, а?

– Идет, – тянет она. Голос у нее неуверенный.

Я агонизирую в поисках подходящей тайны, как вдруг меня осеняет.

– Я не хочу продолжать семейный бизнес, – признаюсь я, с трудом сдерживая стыд, который испытываю всякий раз, когда думаю об этом. – Я единственный ребенок в семье, и отец, конечно, рассчитывает, что однажды я буду управлять всем вместо него, а я этого совсем не хочу.

– Чем же ты хочешь заниматься? – спрашивает Каролина.

– Не знаю. – Я пожимаю плечами. – Чем угодно, только не этим.

Я не говорю, что именно это за бизнес. Незачем привлекать внимание к тому, кто я. Этой ночью мне хочется анонимности.

– Твоя очередь, – говорю я, когда понимаю, что она так ничего и не сказала.

– Я ненормальная. Никогда не была нормальной. Ни с кем не могу поладить, – признается она. – Я всегда чувствовала себя неловко в компании других людей, как будто я... никому не нужна. Даже своей семье. И друзей у меня толком нет, по крайней мере, настоящих.

– Почему?

– Я всегда всех отталкиваю. Не хочу, чтобы подбирались слишком близко, мне от этого некомфортно. Мне вообще некомфортно рядом с людьми. Люди очень эмоциональные, а для меня это слишком. Эмоции такие беспорядочные, такие неприятные, а еще я их не понимаю.

– Меня-то ты близко подпустила, – замечаю я. – И ты за этот вечер испытала ко мне массу эмоций, причем очень сильных. – Она хмурится, и я поясняю. – Сначала ненависть. Почти уверен, я был тебе отвратителен. Потом заинтриговал. А потом, наконец...

Она перебивает меня.

– Ты – исключение из правила.

– И почему же? – Примечательно, что она для меня – тоже исключение, со мной такого прежде не случалось. Я не понимаю толком, почему меня так влечет к ней, но определенно чувствую, что она меня привлекает. Ощущаю химию.

Похоже, она чувствует то же самое, и ее это точно так же сбивает с толку.

– Я не знаю точно, почему. – Она опускает взгляд, будто смотреть на меня слишком тяжело. – Может, просто я знаю, что никогда больше тебя не увижу, а значит, могу быть с тобой какой захочу.

– И какой же ты хочешь со мной быть?

Она вскидывается, смотрит на меня блестящими голубыми глазами.

– Не такой жесткой. Не такой... сдержанной. С тобой я чувствую себя... свободной. И в безопасности.

Последнее слово она произносит шепотом, как будто ей трудно в этом признаться, и я задумываюсь, насколько хаотичной была вся ее жизнь, раз она никогда и ни с кем не чувствовала себя в безопасности.

До меня.

– И я никогда ни с кем такого не испытывала, – продолжает она. – Кроме тебя.
Некоторое время мы молчим, как будто для того, чтобы слова и их смысл как следует отложились в голове.

– Я рад, – тихо признаюсь я. – Рад, что благодаря мне ты что-то почувствовала.

Каролина принимается ерзать на стуле, ей явно не по себе.

– А уже поздно, смотри-ка.

Я проверяю телефон и вижу, что дело близится к полуночи.

– Когда тебе надо вернуться?

– Не знаю. – Она пожимает плечами, но по тому, как она косится в сторону, я понимаю, что у нее есть время отбоя. – Скоро.

– У тебя завтра рано тренировка?

– Конечно. Как всегда. – Она кивает, доедая последний кусочек блинчика, глотает его... и тут на лице ее проступает ужас. – Поверить не могу, что я столько съела. Тут же один сахар и углеводы.

– Думаю, на тебя это особо не повлияет, – замечаю я. Взгляд мой скользит по ее подтянутому телу. Она худая и жилистая, а мышцы у нее не хуже моих. Она сильная – я ощутил это, когда она схватилась за меня на балконе. Ни на дюйм не сдвинулась с места.

– Меня потом все равно, наверное, вырвет. – Она смотрит на меня, и в глазах ее плещется паника. – У меня нет расстройства пищевого поведения, но я сижу на строгой диете, и, если поем чего-нибудь вредного, меня обычно... тошнит.

Я пялюсь на нее, не в силах поверить, что у нее нет проблем с питанием. Я понятия не имею, что творится в танцевальной академии или как там эта хрень называется, но вряд ли атмосфера там доброжелательная. Порядки, должно быть, жесткие и ужасно бесчеловечные, наверняка каждый день сплошные занятия танцами и тренировки, и все стремятся к одному и тому же.

Стать лучшим. Быть первым.

Это мне понятно. Меня это выводит из себя. Отец всегда меня подгонял, чтобы я был лучшим. Учитывая, что я единственный сын, у него есть кое-какие ожидания на мой счет, и я намерен им соответствовать.

Всегда.

– Должно быть, нелегко тебе, – говорю я наконец.

– Куча напряженных тренировок, особенно в последнее время. У нас было мало времени, чтобы разучить танец, с которым мы выступаем в эти выходные, – признается она. – Приходится многое сделать за короткий срок.

– Жаль, что я не смогу посмотреть выступление.

– А я даже рада, что не сможешь. – Заметив мое пораженное выражение лица, она смеется. – Иногда мне не хочется выступать для знакомых.

– Но ведь мы с тобой толком не знакомы, забыла?

Мгновение мы пристально разглядываем друг друга, а потом Каролина вскакивает, придвигает стул к столу с такой силой, что металл скрежещет о тротуар.

– Сейчас вернусь.

Я наблюдаю, как она подходит к мужчине, который принимает заказы на блинчики, как включает очарование на всю катушку. Как торопливо говорит по-французски (даже не буду отрицать, что это чертовски сексуально), как хлопает ресницами – и все ради парня, которому, наверное, хорошо за сорок, а может, и за пятьдесят, судя по серебристым прядям в темных волосах. Каролина приглаживает волосы, заправляет за уши выбившиеся пряди, выпячивает грудь, демонстрируя крошечные соски, которые мне так хочется пососать.

С такими мыслями от неудовлетворенности, конечно, не избавишься.

Всего мгновение – и вот Каролина уже фланирует обратно к нашему столику, а в руках у нее – зажженная сигарета. Она опускается на стул напротив меня, и выражение лица у нее довольное.

– Стрельнула у парня сигаретку и огоньку? – Я вскидываю брови, ожидая, что она начнет все отрицать. Я слышал обрывки их разговора, и этого достаточно, чтобы понять, что именно она сделала.

Каролина, впрочем, кивает, посасывает кончик сигареты, а потом выдыхает дым в сторону. Я ценю ее любезность, учитывая, что до этого она дымила прямо мне в лицо.

– И не только их. – Она будто из ниоткуда извлекает ручку и кладет на стол. Та, разумеется, тут же катится, угрожая упасть со стола на тротуар, и я хватаю ее, пока она не упала. – Мне нужен твой номер телефона.

Нахмурившись, я рассматриваю ее, думаю о том, что она сказала мне до этого – что все это только на одну ночь. Что мы больше никогда не встретимся и совершенно друг друга не знаем.

– Думаешь, это хорошая идея?

Каролина окидывает меня долгим взглядом, и чем дольше она смотрит, тем больше кажется, что она прямо-таки поедает меня глазами. Наконец она качает головой, и на щеках ее появляется легкий румянец.

– Ты прав.

– Не надо усложнять, понимаешь? – говорю я, поигрывая бровями. – Нам же не нужны трудности.

Что-то мне подсказывает, что ее жизнь и без того довольно-таки непростая.

Она кивает, кусает губы.

– Пожалуй, ты прав. Но я хотела бы оставить тебе что-то на память.

– Поверь мне, Каролина. – Я тянусь к ней, постукиваю кончиком ручки по руке. – Я никогда тебя не забуду. И этот вечер тоже.

Она отчаянно краснеет, опускает голову, и на губах ее появляется едва заметная улыбка.

– У меня есть идея.

– Какая?

– Дай мне руку.

Я подчиняюсь, и она поворачивает ее ладонью вверх, хватая ручку и начинает что-то рисовать у меня на запястье. Кончик стержня щекочет кожу, я дергаюсь, и Каролина бросает на меня строгий взгляд.

– Не двигайся.

Я стараюсь сидеть неподвижно, наблюдаю, как она выводит что-то на мне. Ручка черная, и сначала я не понимаю, что она рисует, но постепенно на коже проступают очертания балетной пачки.

– Надо правильно нарисовать, – бормочет она. – Эти юбки шьют из нескольких слоев фатина, чтобы они стояли как надо.

Погодите-ка секунду...

– Ты рисуешь у меня на руке балерину?

– Я рисую у тебя на руке костюм, в котором буду выступать. Или, по крайней мере, пытаюсь нарисовать. Вот это корсет. – Она несколько раз проводит ручкой по моей коже, потом добавляет крошечные точки, будто блески. Закончив, она отстраняется, рассматривая свою работу.

– Недурно. – Она слегка склоняет голову к плечу, морщит носик. – Но в жизни он гораздо красивее.

Я не свожу глаз с рисунка. Он маленький, прямо по центру запястья, и я поворачиваю руку так и этак, любуюсь картинкой.

– Мне нравится.

– Я не художник, конечно.

Вообще-то очень даже художник.

– Я могу представить тебя в этом наряде.

Она смотрит на меня, и я готов богом поклясться, что ее глаза светятся.

– Правда?

– Вообще-то я тебя в разных нарядах могу представить, – признаюсь я. – И вообще без всего.

Она закрывает глаза, запрокидывает голову к небу, глубоко вздыхает. Потом снова открывает глаза и говорит:

– Должна тебе сказать, что обычно я так себя не веду.

– Я тоже.

Она опускает голову, взгляд у нее уверенный.

– То есть обычно ты не занимаешься петтингом с девушками во дворце Гарнье?

Я медленно качаю головой.

– Такого еще никогда не случилось.

С губ Каролины срывается смешок, и она поспешно закрывает рот, смотрит на меня так, будто я – лучшее, что она видела за всю жизнь. Я невольно распрямляюсь под ее взглядом, резко посерьезнев.

– Я тебя никогда не забуду.

– Я тоже никогда тебя не забуду, – говорю я, и каждое слово в этом предложении – чертова правда.

Когда с блинчиками покончено, а движение на дорогах начинает стихать, мы отправляемся назад к маленькому отелю, где она остановилась вместе с остальными членами труппы.

– Твой друг наверняка о тебе беспокоится, – говорю я. Руки я сунул в карманы, чтобы не потянуться и не схватить Каролину за запястья.

Я чувствую невидимую стену, которую она воздвигла между нами, едва мы вышли из кафе. Чем ближе мы к месту назначения, тем больше она отстраняется, снова превращаясь в тихую высокомерную девчонку, которую я встретил в начале вечера.

– Гидеон? Наверное. У меня нет с собой телефона, так что... – Она пожимает плечами.

Гребаное безумие просто. Кто в нашем веке не берет с собой телефон? Вдруг я оказался бы каким-нибудь извращенцем, который представляет для нее опасность? Насильником?

Черт, что если она думает, что я набросился на нее в опере? Все случилось так быстро, я и не думал спросить ее согласия, потому что...

Точно. Потому что я козел, который творит что хочет, наплевав на последствия, хотя что-то мне подсказывает, что Каролина из той же породы.

– Где твой телефон?

– В моем номере.

– Это очень опасно, знаешь ли. Отправляешься гулять по чужому городу, не взяв с собой телефон, тусуешься с парнем, которого толком не знаешь.

– Ладно тебе, папаша. – Она одаривает меня многозначительным взглядом. – Все, что я сделала, я сделала потому, что хотела.

Я поспешно закрываю рот.

Я никогда в жизни не встречал такой девушки. Безрассудной и грубой, очаровательной и сексуальной. Она не похожа ни на кого из моих знакомых, и я уже чувствую странную близость с ней.

И все же я мало что о ней знаю. Почему она такая безрассудная? Почему никогда не приезжает в Штаты повидаться с семьей? Она отчаянно независима и физически сильна, но все же повинуется моим приказам.

О, и не будем забывать про боль. Это ее явно завело.

Она – загадка, обернутая в тайну, и, черт побери, мне ее никак не понять.

А хочется.

Может, я все чересчур усложняю. Она призналась, что никогда никуда не вписывалась – скорее всего, поэтому она так безрассудно и безудержно вела себя этим вечером. Может, по той же причине она старается держаться подальше от своей семьи. Предпочитает покой одиночества, а не жуткую ситуацию, когда тебя окружают люди, которые тебе не нравятся и тебя не понимают.

Каково это, интересно – жить и чувствовать, что тебе нигде нет места?

Даже представить себе не могу.

Какое-то время мы идем в тишине, а потом она поворачивается ко мне и в мгновение ока оказывается прямо у меня на пути, вынуждая резко остановиться.

– Дальше я могу дойти сама.

– Уверена?

– Отель прямо там. – Она указывает на высокое здание в паре кварталов от нас.

– Я буду наблюдать, пока ты не войдешь в здание. – Под моим взглядом с ней ничего не случится.

Она кивает, встает на цыпочки и мимолетно целует меня – даже слишком мимолетно.

– Спасибо за такой памятный вечер.

Не успевает она отстраниться, как я кладу руки ей на бедра, ласково притягиваю ее к себе, снова целую – на этот раз глубже, с языком, и только потом отстраняюсь. Я и сам не заметил, как она стала сжимать воротник моей рубашки, сминая ткань.

– Не забывай меня.

Она медленно открывает глаза, и выражения лица у нее в этот момент мечтательное.

– Это попросту невозможно.

Я целую ее в щеку, в последний раз вдыхаю прохладный морской аромат.

– И я тебя тоже не забуду.

Каролина отстраняется, и на лице ее отчетливо читается сожаление. Она медленно качает головой.

– Не люблю прощаться. Просто... Давай ты просто уйдешь, ладно? И я тоже уйду.

Я не свожу с нее глаз. Мне хочется так много сказать, а искушение попросить оставить мне номер телефона, чтобы мы были на связи, ужасно велико, хотя я сам сказал ей, что делать этого не стоит. Если захочу, и так смогу найти ее. Я-то точно знаю, кто она такая, могу отыскать ее в соцсетях, написать в личку. Мол, привет, помнишь меня?

Но не стану. Может, так даже лучше. Лучше оставить ее на пустом тротуаре посреди Парижа и не давать ложных обещаний.

– Ладно, – говорю я наконец и освобождаю ее.

Она выпускает мою рубашку.

Глаза у нее блестят, как будто она готова расплакаться, но я не успеваю даже растрогаться, как она разворачивается и торопливо уходит прочь. Шаг у нее стремительный, и она все больше удаляется от меня. Я, как и обещал, наблюдаю за ней, не свожу глаз со светловолосой макушки. Хвост ее развевается, спина прямая. Длинные, длинные ноги мигмом преодолевают расстояние до отеля.

На мгновение я кошусь на балетный костюм, который она нарисовала на моей левой руке, провожу по рисунку большим пальцем. Когда я снова поднимаю голову, Каролина уже совсем далеко. Крошечная светлая точка на горизонте.

Посмотри же на меня, думаю я. Хотя бы в последний раз. Давай же, Каролина.

Будто услышав мой мысленный призыв, она замедляет шаг и поворачивается, безошибочно находит меня взглядом, несмотря на разделяющее нас расстояние. Меня охватывает

ощущение триумфа, и я не свожу с нее глаз, а она – с меня. Потом она разворачивается ко мне всем телом, и мы просто смотрим друг на друга. Мы так близко – и так далеко.

Она поднимает руку, шевелит пальцами в некоем подобии прощального жеста, разворачивается.

И бегом устремляется прочь.

Глава 4

КАРОЛИНА

Середина августа

Свобода – опасная штука. В моей жизни царила колоссальная, ничем не ограниченная свобода – последние лет пять. О, сначала я даже не смела испытывать на прочность те ограничения, что были для меня установлены (к слову, весьма скромные). Я была маленькой, напуганной и очень, очень боялась кого-нибудь разочаровать.

В Лондонской танцевальной школе для девочек были строгие преподаватели, безжалостное расписание, а от учениц требовали безоговорочного соблюдения дисциплины. Танец был превыше всего. Он был важнее обычной школьной рутины, семьи, социализации. В этих условиях я процветала. Жизнь подчинялась режиму: рано встаешь, учишься допоздна. Что до занятий, где мы изучали всякую бессмыслицу вроде математики и английского, и истории... Господи, да кому это вообще нужно?

Я хотела лишь одного – танцевать.

И я танцевала. Танцевала, танцевала и танцевала. Травм у меня было не перечислить, но я танцевала через боль. Мучила собственное тело и разум, и дух, и, боже правый, обожала все это.

В четырнадцать я подружилась с кое-какими девочками-бунтарками из школы. С теми, кто курил сигареты и прихлебывал из крошечных серебряных фляжек, спрятанных под тонкими матрасами. Иногда я стреляла у них сигаретку или отпивала глоточек, но никогда не увлекалась подобным.

Слишком боялась, что меня поймают. Слишком боялась последствий.

Меня невыносимо страшила одна только мысль о возвращении домой. Этого не должно было произойти ни при каких обстоятельствах.

В школе не было той роскоши, того комфорта, к которым я привыкла дома, и это мне тоже нравилось. Такова была профессия танцора. И всем было плевать, что я Ланкастер. Моя фамилия, моя семья, мое богатство – все это не имело никакого значения.

В танцевальной школе все напоминало, что я ничего не стою. Я – никто. Очередное лицо в бесконечной веренице девушек, жаждавших одного и того же.

Стать прямой. *Той самой.* Той, кого все обожают и боятся, кого все уважают.

В пятнадцать я перебралась в Лондонскую академию танца и стала упорно трудиться, хотя сначала нагрузка казалась невыносимой. Я работала на износ – больше, чем когда бы то ни было, и к концу учебного года стала одной из любимых учениц мадам Лесандр. Я расцветала от ее внимания и похвалы, жила ради этого, а мои конкурентки с неприязнью косились на меня. Они подружились со мной, и я это допустила. Держи друзей близко, а врагов еще ближе, так ведь? Отец дал мне этот совет давным-давно, когда я плакала, что кто-то из девочек на занятиях танцами – теперь уже не помню, кто, – отказался со мной дружить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.